

ВИЗУАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КЛАРЫ ГОЛИЦЫНОЙ

Искусство Клары Голицыной живет в традиции игровой культуры, в стратегиях артистической импровизации и вместе с тем оно принадлежит дисциплинарным художественным формам. Первый творческий импульс художницы всегда обращен к феномену случайного, связанного с его культурной памятью — с фотографией или репродукцией произведения рожденными ее личным образом жизни. Конкретный набросок, выявляющий векторную структуру «предварительного» произведения, ready-made, постепенно превращается в сетевую конструкцию. Ее общий план, близкий к чертежному построению, обрастает внутренними линейными связями, пластическими коммуникациями, скрепляясь шарнирными точками-опорами. Эволюционируя в длительности творческого процесса, возникающая композиция развивается по закону музыкальной партитуры, напоминая ранние фильмы Оскара Фишингера, где игра линий отождествляется с динамикой звука и его «топографией». Формируя визуальную драматургию, элементы пластики Клары Голицыной, подчиняясь случайному, обретают гармоническую целостность. Их образность живет в диагоналях, в пересечениях, умножая плотность собственной информации и указывая на ее универсальность. Эти внешне формализованные танцующие структуры можно реально «слышать», они сталкиваются, фиксируя места своих встреч, свободно перетекают друг в друга, меняя ракурсы «пластической» оптики, и удаляются, чтобы вновь обрести согласие и равновесие в следующих комбинациях.

Каждый раз художница начинает свою «игру» с «нулевого горизонта», как говорил Казимир Малевич, открывая собственную систему координат – сначала числовую, позже пространственную, обретающую свой реальный контур, чтобы в последней фазе своего существования развоплотиться, дематериализоваться, сохраняя свой первообраз в идеальном мире произведения.

Творческие принципы Клары Голицыной «мерцают» в пространстве двух полюсов: между «play» и «game» — игрой как полнотой импровизации и игрой по правилам. Они сближаются с вариативной «случайной» образностью Моцарта, живущей в его последних скрипичных сонатах, их визуальный звукоряд обнаруживает свою рифму с радикальными композициями Джона Кейджа и свободными джазовыми конструкциями Колтрейна. Они существуют в естественности дыхания, в ритмах «прилива» и «отлива», соединяя в себе природную органику и интеллектуальные прозрения.